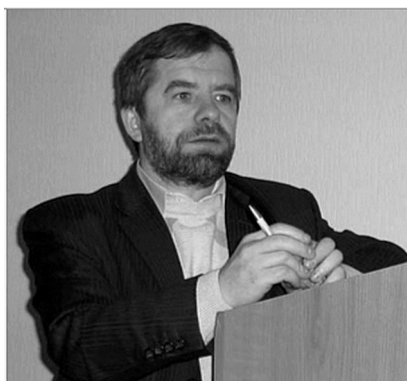

Путь в Эммаус. Художник Отто Менгельберг. Вторая половина XIX в.

УДК 1.11:1.13:2.26:2.23:322

С.А. Нижников

А.А. Лагунов

**Нижников С.А.*,
Лагунов А.А.****

Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Размышления о вере и неверии¹

*Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов
E-mail: nizhnikovs@mail.ru

**Лагунов Алексей Александрович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и теологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета.
E-mail: emaillag@mail.ru

Авторы, озабоченные дегуманизацией и деморализацией современного общества, в форме диалога поднимают проблему значимости фундаментальных мировоззренческих ценностей, связанных с культурой христианства, стремясь ответить на вопрос, прочему современный человек отказывается от двухтысячелетних смыслов, лежащих в основании европейской культуры и в целом «осевого времени». Участники диалога размышляют над тем, как христианство может конвертировать свои ценности в современном мире и что для этого необходимо. На основе творчества А. Шмемана дана критика языческого восприятия христианства: пантеистическому магизму противопоставляется трансцендентная вера.

Ключевые слова: атеизм, вера, духовное познание, духовный архетип человечества, либеральная демократия, материализм, «осевое время», трансцендентное, христианство.

Соф. В прошлый раз остановились мы с тобой на том, как видел соотношение государства и Церкви,

¹ Продолжение. Начало см. Нижников С.А., Лагунов А.А. Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Размышления о вере и неверии // Пространство и Время. 2012. № 2(8). С. 199–207.

Церкви и секулярного мира Достоевский, у которого этой проблеме посвящена специальная глава в «Братьях Карамазовых» – «Буди, буди». Путь в ней предлагается Достоевским противоположный и утопии Вл. Соловьева (объединение церквей), и идее В.В. Зеньковского (воцерковление светской культуры, что также утопично). У Достоевского сама Церковь должна открыться в мир, а не мир подстроить под себя – католики здесь уже потерпели полное фиаско (так и не увиденное Вл. Соловьевым).

«Когда же римское языческое государство возжелало стать христианским, то непременно случилось так, что став христианским, оно лишь включило в себя церковь, но само продолжало оставаться государством языческим по-прежнему... не церковь должна искать себе определенного места в государстве, ...а напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь... По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. Сие буди, буди!» (с. 58).

По сути, Достоевский мечтал о том, чтобы «всё общество обратилось лишь в церковь» (с. 61). Но, продолжает он в лице старца Паисия,

«...общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает всё же незыблемо, в ожидании своего полного преобразования из общества как союза почти еще языческого, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков...» (с. 61).

Во избежание кривотолков Достоевский вводит следующий пассаж:

«– Да что же это в самом деле такое? – воскликнул Миусов, как бы вдруг прорвавшись: – устраняется на земле государство, а церковь возводится на ступень государства! Это не то что ультрамонтанство, это архи-ультрамонтанство! Это папе Григорию Седьмому не мерещилось!

– Совершенно обратное изволите понимать! – строго проговорил отец Паисий, – не церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А напротив государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, – что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет» (с. 61-62).

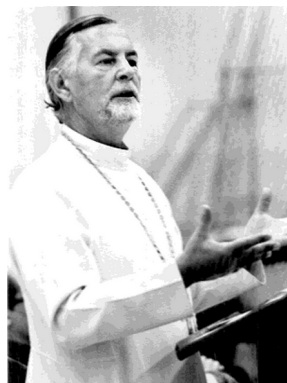
Это действительно идеал, соответствующий христианским принципам, а не утопия. Это не теократия власти, а теократия духа. Не государство, используя свою власть, подчиняет себе общество на основе христианских принципов (на примере католичества мы видим, что при этом сразу происходит извращение христианских принципов), а, напротив, оно само трансформируется в христианское.

Дитрих Бонхёффер (Dietrich Bonhoeffer, 1906–1945), немецкий лютеранский пастор и теолог, антифашист.

Василий Васильевич Зеньковский (1881–1862), русский филолог, богослов, педагог.

Александр Дмитриевич Шмеман (1921–1983), клирик Православной церкви в Америке, проповедник, историк и богослов.

Это настолько высокий идеал, что Достоевский помещает его в неопределенное будущее, лишь надеясь на его осуществление как на путеводную звезду. И здесь одно существенное условие: христианское общество должно перестать быть «языческим союзом», оно должно открыться в мир, снять все препоны между обществом и собой.

Это осознавали и осознают лучшие люди Церкви, виднейшие ее богословы – в том числе и лучшие богословы и проповедники западных конфессий, среди которых, как мне кажется,

выдающееся место занимает Дитрих Бонхёффер. Осознавал это и В.В. Зеньковский, говоря о создании «вольных общин, своеобразных новых монастырей», новых «островков православной культуры» (*Проблема церковной культуры*). «Церковь должна идти в мир», – заявлял он. Только так может произойти его *освящение*. В этом Зеньковский видел «духовно-теократическую задачу Церкви» – «собрание мира во имя Христова» (*Наша эпоха*). Фактически всецело этой теме посвятил свои дневники о. А. Шмеман. Понимание веры о. Александром Шмеманом истинно православное. Однако каждый глубокий богослов, мыслитель или простой верующий открывает в вере какую-то свою сторону, или вера открывается ему особенно, ведь у нее бесконечное множество граней. Но у Шмемана не просто *свое*, а, на мой взгляд, сущностное видение веры, – оно обладает неповторимостью и новизной, актуальностью именно исходя из проблем современного мира и христианства. Чудо, тайну и авторитет – он снимает, вслед за Достоевским, эти редостения с веры. Вот, например, что он пишет:

«...первое, что нужно было бы выяснить, это – почему Православие перестало “действовать” на наших православных. Будь то у русских, будь то у карпатороссов, греков, албанцев, но у всех между ними

и Православием, то есть собственной верой, стоит какая-то стена, которой не разрушить никакими проповедями, книгами, никакой “религиозно-просветительской” деятельностью. И это так потому, что стена эта и есть, в сущности, их – уже существующее, и веками! – восприятие Церкви, богослужения, “духовности”, самой веры. Тут не просто пустота, отсутствие знания, интереса и т. д. Нет, тут своего рода *полнота*, наполненность до краев, не позволяющая проникновения в сознание ничего “нового”. Можно, да и нужно, было бы составить своего рода “типологию” этих стен, ибо “русская” разнится от “греческой” и т. д. Единство их, однако, в подспудном, глубоком, можно сказать – *органическом* отвержении *смысла*, безотчетной боязни его: “Чур меня!” Православие в этом восприятии сведено до конца к *чувству*, чувство же, в свою очередь, определено, создано самыми разнообразными причинами, но не “знанием” и не “верой”. Так, например, чин бракосочетания воспринимается абсолютно безотносительно “смысла”, “веры”, “учения”, его создавших, можно было бы сказать – *без Христа...* Но так же воспринимается почти все остальное, включая Пасху, Литургию, погребение и т. д. Ставши религией, христианство стало – неуклонно – “естественной” религией. И потому – *tout est faussé* [все искажено (фр.)...]» (Дневник, 26.04.1982).

«...христианство *выводят* из религии, как “частное” из “общего”, и это значит – *сводят* его к религии даже тогда, когда утверждают его как “исполнение”, “завершение” и т. д. Тогда как, по существу и на глубине, оно есть не столько “исполнение”, сколько отрицание и разрушение “религии”, откровение о ней как о падении, как о результате и, должно быть, главном проявлении “первородного греха”. Наше время есть время возвращения к религии, но никак не к христианству...» (Дневник, 30.11.1978).

В христианстве недопустима, как я полагаю, слепая вера – это будет уже язычество. Может быть, поэтому Шмеман считал, что христианство – это чистая вера, а язычество – религия. Приход христианства ознаменовал завершение этапа религии как магического ритуала, – восторжествовала чистая вера. Христианство – это абсолютная религия, упраздняющая религию как таковую, т.е. религиозный магизм. И трагедия исторического христианства в том, что, будучи уже верой, многими оно понимается на языческий манер, именно как традиционная религия. Поэтому можно стоять в храме, ничего не понимая из того, что происходит, но делать вид, что к чему-то приобщаешься. Не есть скоромного в пост, но убить при этом человека (пример из В.В. Розанова). Пробормотать священнику свои грехи и верить, что при обряде покаяния они автоматически снимаются. Католичество вообще все эти искажения узаконило, поняло христианство на манер римского язычества – формально и юридически. А православие обросло обрядовостью.

Шмеман пишет об угрозе «постепенного перерождения Православия либо в клерикальную, ритуальную и магическую “религию”, либо же в мироотвергающую “духовность”». Он говорит о клерикализации не по отношению к миру, обществу, государству, а как о сосредоточенности на делах сугубо церковных, когда целью христианской общины становится она сама. Он приходит к выводу, что

«если не вернутся богословие, церковность, духовность и т. д. – к подлинному христианскому *эсхатологизму* (а признаков возвращения этого я не вижу *нигде*), то суждено нам не только оставаться *гетто*, но и претворять себя, Церковь и все ими заключаемое в духовное гетто... Начинается же... возвращение это с подлинного разума Евхаристии – таинства Церкви, таинства новой твари, таинства Царства Божьего. Здесь альфа и омега христианства» (Дневник, 1.05.1982).

Христианский обряд, ритуал и литургия в целом – не магического характера, но воспринимаются обычно как некая магическая процедура, особенно в простонародье, а некоторые богословы пытаются даже под это теоретическую базу подвести. Так, католики говорят о пресуществлении вина и хлеба, что есть «религиозный материализм», так как они мыслят буквально натуралистически, что этот хлеб и вино именно в своем материальном качестве становятся телом и кровью Христа. Православная позиция, основанная на вере, т.е. позиция духовная (и тем самым истинно христианская), говорит, что нет субстанциального пресуществления, но духовное, хотя и непосредственное, а не символическое. Это очень тонкий момент, который отделяет как раз магическое представление от основанного на вере: в хлебе и вине присутствует Христос – нераздельно, но и неслиянно. Это вообще касается всех христианских таинств. Этим же икона отличается от языческого истукана-идола.

Фил. Все, о чем ты говоришь, очень верно. Вот только насчет причастия, мне кажется, многие православные мыслители все же настаивают не только на духовном, но именно и на материальном пресуществлении. Не символическом, как в протестантизме, а именно реальном. Тело Христа при этом входит в нас не только на духовном уровне, но и на самом что ни есть физиологическом. По крайней мере, я читал такое у А. Кураева. И первые христиане пострадали именно за это, до конца не понимаемые и обвиняемые в людоедстве. Однако они не отрекались от «поедания» плоти Христовой. Мне кажется, этот вопрос очень сложен, он идет в параллели с вопросом о Воскресении – в физическом ли оно будет теле или духовном? Если в духовном (а я склоняюсь к этому пониманию), то тогда и причастие осуществляется к духовному телу Христа. Так что и здесь я с тобой согласен, но хочу обратить внимание, что в православии понимание этой проблемы все же двойственно.

Соф. Да, вопрос здесь очень тонкий и глубокий, а вместе с тем – принципиальный. Ясно, что натуралистическое понимание не проходит, иначе будет каннибализм какой-то. А христианство отрицает кровавые жертвоприношения. Разумеется, евхаристия – не символ, а абсолютная реальность, но она не натуралистическая. Думаю, что августиновское «нераздельно и неслиянно» – это и есть то, что передает данную антиномичность таинств. Именно такое понимание я называю духовным (т.е. не символическим, но и не натуралистическим). Дело в том, что христианские таинства нельзя понимать ни магически, ни символически, ни натуралистически, ни спиритуалистически, а антиномически. Дух Святой трансцендентен, но вместе с тем он пронизывает все сущее – вот какая

аналогия. Рассудком, который мыслит взаимоисключающими суждениями, этого не понять. Но, видимо, именно такое рассудочно магическое понимание христианства постоянно навязывается ему свойствами человеческого восприятия и ума. Наше восприятие и умственные заключения постоянно соскальзывают с этой антиномии или влево (натурализм), или вправо (символизм), а между ними располагаются все иные возможные варианты.

Я затронул здесь только одну проблему, но сколько их еще есть, и они требуют также безотлагательного решения. Это и отношение мирян и клира, состояние и направленность богословия, отношение Церкви к светскому миру в целом и др. Вместе с тем полагаю, что эти проблемы носят постоянный характер, и иного, видимо, и быть не может. В этой связи необходимо ввести еще одно понятие – «отчуждение». Оно хорошо известно в философии со времен немецкой классики и Маркса, у нас о духовном отчуждении много размышлял Бердяев. Для нас здесь важно именно понятие духовного отчуждения. В нашем мире, отягощенном грехом и несовершенством, в принципе невозможна чистая духовность. Дух, будучи трансцендентным, выявляясь на социальном и материальном уровне, неизбежно отчуждается, искажается и извращается в человеческом восприятии и делах. И вся наша жизнь – это, по сути, борьба с искаженными его объективациями. Шмеман не мог мириться с такими отчуждениями в православии, в «Дневниках» крайне критически высказываясь о его нынешнем состоянии. Но вместе с тем он признает, что в православии хранится истина, истинное отношение к вере, уже во многом утраченное в других конфессиях и, по сути, неведомое Востоку.

Тем не менее, отчуждение требует снятия, иначе оно вовсе извратит и поглотит истину. Поэтому что говорить об исторических упущениях Церкви? Они, конечно, были. Но, вместе с тем, могло ли их не быть вообще? Вряд ли. Церковь сформировалась во многом так, как могла, и в тех условиях, в которых она существовала и существует. Могут ли все стать святыми? Нет, конечно, но все могут и должны стремиться к праведности. Зачастую мы предъявляем к Церкви и священникам завышенные требования, и если они им не удовлетворяют, то мы всё начинаем отрицать. Таково свойство интеллигентского сознания, – оно максималистически, утопически относится также и к Церкви. А надо, прежде всего, начинать с себя и не столько критиковать, сколько работать над тем, чтобы проблемы общества и Церкви разрешались, а не усугублялись: «Не судите, да не судимы будете». Иногда мне вообще представляется, что само существование Церкви уже есть чудо! Ее стремились уничтожить римские императоры, ее обезглавил и превратил в государственный департамент Петр I, ее разрушали в советское время, ее сегодня поливают грязью не желающие разобраться ни в каких проблемах и жаждущие лишь власти. А она стоит, и врата ада не могут одолеть ее. И стоит она на трудах праведников и на страданиях мучеников, число которых не иссякает.

Фил. О завышенных требованиях к Церкви и священникам – очень верно сказано. Порою это толкает категорично мыслящих людей к разрыву и с первой, и со вторыми. При этом совершенно упускается из виду то, что священники – такие же люди и именно по этой причине подвластны всем искушениям греховного мира.

Между тем современная жизнь действительно требует и от мирян, и от клира не только доверительного и братского отношения друг к другу, не терпящего никаких штампов и шаблонов, но и определенных изменений в мировоззрении, и связано это не в последнюю очередь с отмеченным тобой ростом влияния техники, вызывающим утрату человеком органической связи с природой. Техника, разумеется, играет в нашей жизни важнейшую роль, однако человечеству следует приложить все усилия для того, чтобы место техники в его жизни не стало определяющим. А тенденция эта уже налицо. Всерьез говорят, например, о технизации науки, о том, что без современной техники она уже ничто. Так незаметно происходит сведение к шаблону и науки, и образования, и самой жизни. Где высокий полет мысли, где «дерзание духа» (А.Ф. Лосев)? Одна из наших насущнейших задач – не подчиниться технизации, напротив, необходимо вернуть технику на свое исконно служебное место.

«На волю в пампасы!» (или, если угодно, назад в пещеру, по Ж.Ж. Руссо) – конечно, не есть девиз нашего времени, без техники человек уже и не сможет выжить в дикой природе. Но ведь христианство никогда так не просило и не ставило! Человек призван к преображению природы, для этого ему и дана свобода, значит, возможность творить, и при этом не без помощи техники. Но современная цивилизация, как ты правильно отметил, искажает понимание человеческого творчества, превращая его носителя «в механизм по зарабатыванию и трате денег, механизм по получению наслаждений». Нужно изменить это понимание (и техника здесь, собственно, совсем ни при чем). Но этого изменения не произойдет без активной деятельности Церкви в миру – деятельности носителя соборного сознания, которое вырабатывалось веками и тысячелетиями. Церковь есть воплощенный духовный опыт поколений, именно потому она так важна, хотя, разумеется, это и не говорит о невозможности наличия в ней, но только как в социальном институте, определенных недостатков. К большому сожалению, князь мира сего никогда не упустит даже малейшего шанса для того, чтобы ударить в самое сердце христианства.

Как и все в этом мире, меняется и Церковь, хранительница догматов, преданий и традиций, – даже несмотря на то, что отдельные ее представители не замечают этого. Не меняется лишь отношение Бога к отдельному человеку, ко всему человечеству, к обществу и природе. Поэтому только синергия, предполагающая сочетание Божественных действий и устремленность человека к их приятию, дает нам возможность скорректировать и наше отношение к изменчивому миру. Ты акцентируешь внимание на том, что важнейшая задача современности состоит в том, чтобы вернуть богословие к подлинному христианскому эсхатологизму. Но это же и есть разумная корректировка исторической жизни Церкви! Не нахождение в ней чего-то нового, не придумывание для нее некоего иного направления развития, а именно корректировка, возможно, очень незначительное исправление, а вернее, на-правление. Поэтому я не могу полностью согласиться с о. А. Шмеманом в том, что признаков возвращения богословия к христианскому эсхатологизму не видно «нигде»: эсхатологизм имплицитен христианскому мировоззрению, и в том, что он сегодня не виден или же плохо виден в социальной жизни Церкви, во многом наша вина. Нет, не во многом, но целиком – наша. Возврат к христианскому эсхатологизму – это, прежде всего, соборное воспоминание об умонастроениях первых христиан и их возобновление в цер-

ковной жизни. Они, эти умонастроения, всегда были и есть сейчас, их нужно просто вывести на поверхность из тех христианских глубин, в которые мы порой так боимся, уверяя себя в том, что не хотим, «нырнуть».

Соф. Согласен. Современный мир радикально меняется, он становится все более взаимозависимым, поэтому еще одна важнейшая проблема, связанная с обсуждаемой нами темой, – глобализация, которая порождает и дополнительные противоречия во всех сферах жизни человечества. Эти процессы бросают и новый, невиданный ранее вызов религиозному сознанию. Мы в своей жизни, как и религия, и Церковь в обществе всегда встречаемся с вызовом Истории (вспомни Тойнби). Первые христиане и отцы Церкви – образец того, как надо отвечать на вызовы. Глобализация – это вызов современной эпохи и всем нам, и религии и Церкви. Мы видим, что происходит с исламом, как он неадекватно реагирует на этот вызов, да и христиане пока не на высоте. Лучшие из них, которых мы упоминали, успели только поставить диагноз, но не разработать рецепты «ответа» на «вызов». Попытаемся вначале ответить на вопрос, в чем же суть этого вызова по отношению к религии?

В прежнем мире даже при наличии локальных периодических столкновений разных мировоззренческих миров, каковыми являются различные религии, не было их *повсеместного постоянного непосредственного* столкновения. Сейчас это столкновение происходит. И нужно признать факт, что максимум, на что могут пойти исторические религии – это вынужденное добрососедство, возможное на основе единства определенных гуманистических принципов. Никто никого переубедить ни в чем не сможет. В изменившемся мире никому уже не отсидеться в своем углу – как и не навязать другому свою систему ценностей: однополярный мир и «однополярные миры» рушатся. Можно, конечно, попытаться законсервировать свое сознание, забившись в этнический, расовый или национально-религиозный угол, но это тупик, а не разрешение проблем.

Мировые религии, явленные и проповеданные в различных регионах мира различным этносам, поднимают сознание человека над этническими ценностями.

Реально ситуация может измениться только при формировании новой общемировой духовной культуры, куда должны войти в качестве базисных православные ценности, как и некоторые принципы, наиболее глубоко разработанные в иных духовных традициях. Этот процесс будет нелегким, возможно – драматическим, но у человечества нет иного пути выживания, кроме как созидания общих духовных ценностей на основе раскрытия универсального смысла различных духовных традиций.

И здесь мы выходим на понятие «осевого времени», в котором был осуществлен прорыв в сферу трансцендентного, лежащего в основе всех развитых духовных учений. Думаю, что в этой эпохе мы можем искать ответы и на проблемы современного глобализирующегося мира. Единство открытий «осевой эпохи» и есть искомое единство мятущегося сегодня мира. Ведь там задан духовный горизонт человечества, человеческого сознания в принципе. Ничего принципиально нового уже не изобрести, но необходимо вскрыть суть духовной революции двухтысячелетней давности и творчески применить к современности.

Эволюция человеческих сообществ представлена в духовной сфере эволюцией религиозного сознания: на уровне племени это языческие культы; на уровне наций и империй – это мировые религии, на уровне глобального мира – это универсальная духовность, возникающая на основе развертывания сущности человека и выявления духовного архетипа человечества. И православные ценности должны занять здесь свое достойное место.

Христианство должно идти в этот стремительно глобализирующийся мир, иначе он глобализируется по иному сценарию, уже без участия христиан. Но идя в этот мир, христианство должно само радикально измениться, чтобы быть вообще услышанным и действенным. Оно должно стать «следованием Христу», и не подменять это «следование» чем бы то ни было. Тогда оно станет понятно и представителю иной духовной культуры. Но, может быть, этому может помочь только второе пришествие Христа. Полтора миллиарда китайцев и миллиард индусов никак не обратишь в христианство, не иначе как указанным чудом. Хотя и со вторым пришествием может случиться такой казус, который описал Достоевский в разделе о великом инквизиторе.

Полагаю, выход здесь для христианства один – оно должно перестать быть религией, сохранив лишь чистую веру, которая имеет универсальную основу в осевом времени. Думаю, что ныне живущие поколения на это не способны в силу инерции и косности сознания и традиций. Да может быть и время еще не столь настоятельно этого требует – еще не исчерпал себя потенциал национальных государств и идеологий, и Россия проходит сейчас этот этап самооформления. Но глобализация уже стучится в двери, и если не будет упреждающих реформ на мировом уровне, то будет и революция, и глобальная война всех против всех, и тогда только те, кто выживут, если выживут, будут строить новый мир.

Полагаю, чтобы не допустить пессимистического сценария, необходимо уже сегодня осуществлять духовную реформу в своем сознании, – раскрыть его для мира и для всего ценного в мировых духовных традициях, увидеть, опознать наше единство, – всех человеков, – в духовных истоках удивительного прошлого, соответствующего откровениям нашей души. «Берлинские стены» между духовными традициями и культурами неизбежно будут падать, и важно, чтобы они не погребли нас под собой.

Фил. Я не склонен разделять твой оптимизм по поводу возможности раскрытия духовного архетипа человечества при условии изменения «сценария» современной глобализации. Ты утверждаешь, что изменить ситуацию можно, только сформировав «новую общемировую духовную культуру», включающую в том числе и базисные православные ценности. Здесь я больше традиционалист, чем сторонник новаций. Что будет значить для человечества этот мировоззренческий синкретизм? Или эклектизм? И к чему он его приведет? Мне казалось, ты негативно относишься к соловьевскому мифу о Всечеловечестве. Да и его создатель в позднем своем творческом периоде отрекся от положительного толкования прогрессистских идей, даже в русле христианского философствования. Или я тебя сейчас не совсем правильно понял?

Мне представляется, что современная глобализация не является неким уникальным, внезапно свалившимся на нашу голову социальным явлением, а есть закономерное следствие имманентной истории челове-

чества тенденции к универсализации. Была эллинистическая ойкумена, была Римская Империя, были Арабский Халифат и Священная Римская Империя. Совсем недавно еще были Третий Рейх и Социалистическое Содружество. Сегодня торжествует Империя Мамоны, обожествляющая доллары, фунты, юани и проч.... Конечно, технологизация неимоверно способствовала росту коммуникаций, в свою очередь сильно влияющих на приведение человечества к единому шаблону, на усреднение и оглушение массового человека. Однако мы уже видим, что результаты этой новой волны универсализации отнюдь не будут триумфальными, если вообще будут какие-либо результаты...

Те проблемы, с которыми столкнулась и евро-атлантическая цивилизация, и мы, связаны не только с гибельностью техногенного пути, этой «альфы» и (к сожалению) возможно окончательной «омеги» всего мира ввиду множащихся и усиливающихся глобальных катастроф, но и с отторжением активно навязываемой многополярному социальному универсуму либерально-демократической монетаристской идеологии. В этой связи можно в определенной степени понять (но, конечно же, не принять!) и фундаментализм различных конфессий, и всплеск националистических тенденций. Когда начинаешь ощущать свое бессилие перед надвигающимся вселенским злом, срабатывает какой-то звериный инстинкт, и все средства начинают казаться приемлемыми, лишь бы они были направлены против этого зла.

Но, разумеется, гораздо лучше бы было вспомнить о христианстве, этом наиэффективнейшем средстве противостояния злу, растворяющем его... в любви, в которой нет и не может быть никакого зла. Однако любовь нынче не в почете, небесная Агапе, вдохновляющий Эрос сведены к плотским утешениям, а грандиозные пейзажи духовной сублимации заменены порнографическими картинками. Но если мы чего-то не видим, это не значит, что этого нет.

Есть Бог, и есть Его любовь к нам. Есть Церковь, которая хочет быть ближе к Богу, однако часто просто не может по хорошо исследованным тобой причинам. Греховность институциональной церкви – не аргумент для критики Церкви как Тела Христова, которая выше всякой критики. Более того, без первой церкви, охраняющей и сохраняющей тысячелетние традиции христианства, Церковь Мистическая оставалась бы скрытой для многих, потому что для постижения «высших материй» необходимы и подготовительная школа, и место для прозрения, и духовные учителя. Еще больше. Церковь институциональная и есть Церковь Небесная, только в ее проекции на эту грешную землю. Если же христианство, как ты отмечаешь, «перестанет быть религией» (а значит, и лишится своей институциональной церкви, или как еще понимать отрицание религии, сохраняющее веру?), не ждет ли его судьба полного исчезновения с исторической арены (в сердцах немногих оно, конечно же, останется), что и будет предшествовать «концу времен»? Пока же Церковью толкуется Писание, сохраняются Предания, охраняются догматы, Православие остается для человечества исторической реальностью, обуславливающей перспективу для дальнейшего духовного развития.

Таким образом, на свой же вопрос о том, что и как нужно делать сегодня для возвращения культуре ее исконных оснований, я, видимо, могу ответить, не сказав при этом чего-то нового и необычного – нужно, конечно, идти в мир, но прежде осознав свое единство со становящейся во времени Церковью, не теряя с ней связи и всеми силами пытаясь изжить из нее зло, привносимое от соприкосновения с «глобализирующимся миром», дирижируемым извечным противником свободного человечества.

Соф. Дорогой Фил, позволь начать с твоих последних сомнений. Если христианство «перестанет быть религией» (отмечаешь ты, ссылаясь на мои слова), «то лишится своей институциональной церкви, ибо как еще понимать отрицание религии, сохраняющее веру?».

Во-первых, отрицание «религии» не означает отрицание Церкви. Приводимое мною высказывание взято из Шмемана, величайшего литургиста-богослова и проповедника XX века, не мыслящего себя вне Церкви. Недостатки существующих христиан, их магическое и формальное понимание христианства (это и есть «религия» в понимании Шмемана) вовсе не приводят к необходимости отмены или отрицания Церкви. Шмеман лишь подчеркивает необходимость чисто *духовного* понимания литургии и сознательного участия в ней прихожан (хотя сам он терпеть не мог этого слова, но мы пояснили его ранее, в каком смысле используем). Мы уже обсудили с тобой, что означает у Шмемана термин «религиозное», я в данном случае предпочитаю говорить «магическое», что, как мне кажется, передает суть того, что хотел выразить Шмеман. То же понимание мы находим и у Бонхёффера, который также делает упор на необходимости сохранения таинств (конечно, в протестантском смысле), но и необходимости изменения отношения к ним, понимания их.

Во-вторых. Понимаешь, христианство в нашем восприятии вырождается в, если можно так сказать, «платонизм для народа» и не только (интеллигенция также алчет этого весьма упрощенного языческого представления о «мирах иных»); в своего рода мистериальное действие, под коим понимается литургия. Но все на самом деле не так! Кстати, именно это «платоническое» понимание христианства и подвергают затем обоснованной критике материалисты-атеисты. А ведь в христианстве, строго говоря, нет «занебесной» платонической сферы, где обитают чистые идеи-души (может быть, и Платону, который использует лишь язык символов, такое представление было навязано интерпретаторами, обыденным языческим сознанием).

Есть сфера трансцендентного, и отношение к ней, познание ее осуществляется верой, – и есть сфера эмпирического мира, подвластного для познания нашим органам чувств и рассудку. Так вот, язычество, «религия», смешивает эти миры, связь между ними мыслит магически, т.е. через определенный обряд пытается воздействовать на сферу трансцендентного. Христианская вера, как и любое отношение к трансцендентному, открытое в Откровении «осевого времени», мыслит эту связь веровательно, антиномически, «нераздельно и неслиянно». Но, как мы уже выяснили, антиномическое понимание связи двух миров очень туго дается рассудку и обыденному сознанию. Оно все пытается мыслить традиционно-язычески, ибо это естественно. Но это – миф! Вера же говорит об абсолютной реальности, которая непостижима. В «религии» же все постижимо, и даже Бога, как и истукана, можно если не вынудить, то умиловить на определенные действия при помощи обряда. Вот против чего, как я

полагаю, выступили указанные виднейшие представители обеих, столь различных конфессий. Они оба увидели то, что губит христианство изнутри вне зависимости от конфессиональной определенности.

Происходит та же история, что и с буддизмом, который настолько был непонятен для людей, воспитанных в традиционном брахманизме и индуизме, что они не восприняли Будду, и его учение было фактически вытеснено затем далее на Восток, а то, которое сохранилось в Индии, было во многом реинтерпретировано в индуистском стиле. Да и тот буддизм, что ушел на северо- и юго-восток, был подвергнут языческой «экзекуции», – от его первоначального варианта мало что осталось. Тем не менее, духовный импульс Будды сохранен в тех или иных его вариациях, и к нему можно пробиться сквозь все напластования и отчуждения.

Так и с христианством, – мы постоянно должны пробиваться сквозь него к Христу, постоянно отсекая всякие «платонизмы» и «магизмы», всякое мистериальное понимание литургии. Благо, что есть Евангелие, которое хранит Христа таким, каким Он был, – и это вечный источник истины для всех поколений, живущих на Земле уже два тысячелетия. Поэтому и Шмеман, и Бонхёффер говорят о сути христианства как следовании Христу, точно так же, как делали это и отцы Церкви, ведь здесь нет ничего нового. Но суть призыва этих богословов и проповедников XX века – в очищении веры от всего привнесенного в нее за прошедшее время, от различных отчуждений и искажений. Да и вообще каждый святой вновь и вновь очищает веру для нас, ибо она постоянно загрязняется нашей естественной «языческо-магической» установкой сознания. Об этом очень глубоко и ясно сказано у Достоевского, в его противопоставлении светлого образа старца Зосимы и строгого постника и законника Ферапонта. Вот когда «ферапонты» и «инквизиторы» победят в христианстве, оно придет к своему полному вырождению. Это и означает собой конец света...

Теперь обратимся к началу твоего монолога, где ты сказал, что «новая общемировая духовная культура» – это эклектика. Но я, конечно, ни в коем случае не мыслю мировую духовную культуру ни эклектически, ни синкретически, но синтетически. Эклектика не выдерживает никакой критики, это был бы нежизнеспособный конгломерат различных идей наподобие современной компаративистики. Необходим единый центр, от которого следовало бы исходить и на основе которого все следовало бы синтезировать. На метафизическом уровне ясно, что это будет Абсолют и Вечность. На уровне человеческого измерения я ввел понятие «духовного архетипа человечества». И это вовсе не человекобожество и даже не богочеловечество, ибо речь идет лишь о формальных определениях, с которыми бы согласился представитель любой культуры и духовной традиции. Этот архетип представляет собой равнобедренный треугольник, вершинами которого являются Истина (философия), Добро (религия) и Красота (искусство) как три способа духовного познания. То, что объединяет эти три вершины, есть Любовь. Теперь треугольник у нас вписан в круг Любви. Если мы далее представим этот круг в трехмерном изображении, то получим шар, который и есть Абсолют, а в теистической религии – Бог.

Этот синтез не есть всеединство Вл. Соловьева, ибо различия между вершинами (формами познания) не стираются. Здесь не идет речь и о содержательном объединении религий, ибо это невозможно. Он не подменяет собой и эсхатологию, ибо говорит о должном, а не о сущем. Это лишь формальная схема, которая должна быть наполнена экзистенциальным смыслом в жизни каждого человека. Между тем в ней вскрыто, так или иначе, духовное единство всех традиций, открытых «осевым временем». Непосредственно эта схема раскрывает и образ Христа, ведь Бог есть Любовь в христианстве, а любовь, как известно, – совокупность совершенств, т.е. Истины, Добра и Красоты. Также любая глубоко развернувшаяся духовная традиция повествует нам о любви, о необходимости ее достижения и воплощения – будь то суфизм, даосизм (с его понятием естественности, бесстрастия, сердца и ненасилия), конфуцианство (с его «золотым правилом морали», уважением предков и старшинства), индуизм (в целом ряде религиозно-философских учений которого любовь провозглашается высшим принципом), в буддизме (с его всеобъемлющим состраданием и ненасилием) и т.д. И все сказанное нельзя рассматривать как эклектическое собрание, ибо здесь не сваливается все в кучу, а вскрывается сущностное единство, из которого затем при помощи определенного языка, символики и на материале определенной культуры вызревала та или иная духовная традиция. Это искомое духовное единство не устраняет и многообразия, различий каждой из них. А различия, как известно, только украшают, углубляют истину. Поэтому духовный архетип человечества светится своими многообразными гранями различных духовных традиций. И чем больше этих граней – тем богаче человечество и разностороннее архетип (вспомним Константина Леонтьева с его критикой всякой унификации и пониманием красоты как единства многообразного).

Духовное познание, развертывающееся в каждой из мировых духовных традиций, также имеет свое единство, обладает набором универсальных характеристик, среди которых – и поиски смысла бытия, и ответ на вопрос «Ради чего?», и трансцендирование в экзистенциальной захваченности или наполненности, и разотождествление *Я* и *не-Я*, и достижение бесстрастия и состояния чистого сознания, самопознания и т.д. Самая важная характеристика духовного познания как самопознания заключается в том, что в процессе его происходит развертывание сущности человека, в результате чего в нем раскрывается духовный архетип человечества. Именно поэтому Христос и есть Богочеловек, так как в нем полностью развернулась сущность человека. Он – абсолютный человек, воплощение истины и морали.

Полагаю, что синтетическое мировоззрение единого человечества не может ограничиваться одной традицией, хотя это и не отрицает иерархии, которую должна замыкать на вершине пирамиды именно Любовь. Чем ниже мы будем спускаться с этой вершины данной пирамиды, тем шире будет раскрываться многообразие духовного познания, хотя и снижаться его глубина. В этой иерархической пирамиде, объединенной единством принципов духовного познания, Любовью (Истиной, Добром и Красотой), найдется место всем духовным традициям. Каждое духовное учение содержит в себе определенную истину, которая не выявлена с такой ясностью в других традициях, – и в этом заключается его уникальность, незаменимость и, соответственно, ценность.

Например, христианство уникально своим глубочайшим проникновением в Любовь, ее воплощением; наиболее последовательным развитием принципа трансцендентности характеризуется ислам. А вот на Востоке получили развитие различные учения, направленные на одухотворение телесной составляющей человека, что предано

забвению в культурах трансцендентного начала. Единая иерархическая духовная культура должна заключать в себе устремление к трансцендентному, но без забвения телесного, ибо и оно нуждается не только в аскетических ограничениях, но и в развитии под руководством духа. Так мы объединяем Запад и Восток, дух и тело.

Я обрисовал здесь только принципиальные линии того, каким путем можно идти по синтезированию того духовного богатства, которое выработало человечество, и которое может позволить нам решить проблемы глобализирующегося мира. Если мы решим эти проблемы на духовном уровне, то на всех остальных они решаются почти автоматически – через применение этих духовно-нравственных принципов. Необходимо идти через отрицание только зла, но все благое необходимо синтезировать.

Что касается новизны глобализационных процессов, то никогда мир еще не был настолько взаимосвязанным и взаимозависимым. Ранее гибель локальных культур и цивилизаций не ставила вопроса о выживании человечества. Сейчас же такая угроза – налицо. И плохо здесь именно то, что экономические, экологические, политические и иные глобализационные тенденции опережают соответствующие изменения на духовном уровне. В результате глобализация оказывается духовно-нравственно не направляемым и не регулируемым процессом. Вот это реальная проблема, ведущая к катастрофе, если ситуация не изменится.

Многополярность отнюдь не отрицает глобализации, это лишь ее возможный сценарий, укладываемый как раз в ту «духовную» парадигму, о которой я сказал выше. Формирование единого мира должно идти не по пути унификации и подчинения всего и вся одному суверену (однополярность), а через добровольное и взаимовыгодное сотрудничество всех региональных и цивилизационных субъектов международных отношений.

Соглашусь с тобой, что христианство – наиболее глубокое (не знаю, как насчет «эффективности») средство противостояния злу. Но как ты объяснишь это миллиарду индусов и полутора миллиардам китайцев, тем более с твоим отношением к миссионерству? Как ты обратишь в православие протестантов и католиков? Что ты будешь делать с магическим пониманием самого православия внутри православия? К великому сожалению, зло есть и в эмпирическом христианстве, и его там – более всего, ибо силы зла всегда концентрируются там, где есть явное проявление добра, чтобы его уничтожить, извратить или дискредитировать. Поэтому давай будем реалистами и не будем строить очередную утопию, успешно раскритиковав все остальные.

Мы обречены на поиски диалога, более того, – и за это я ратую, – на утверждение изначального духовного единства, сохраняющего все позитивное многообразие в определенной иерархии ценностей. Ты можешь хранить истину в себе и, может быть, спастись ею (хотя в таком виде это кажется мне сомнительным), но как ты можешь здесь и сейчас навязать ее другим? Уже даже чтобы тебя поняли – поняли, что ты хочешь, – ты должен изменить свой язык, сделать его понятным и приемлемым для других. Христос, придя в мир, говорил на языке ветхозаветных символов, и то Его иудеи распяли, а он ведь хотел вернуть своих соотечественников к изначальной истине, открытой для всех, а не только для избранных.

Нужно отвечать на вызов современности, а не носиться со «своим» и «своей» истиной. Истина – истина для всех, а не только для избранных. Придя сейчас, Христос не ограничивался бы, думаю, православными храмами, но распяли бы его, скорее всего, «свои», которым бы могло не понравиться, что он не повторяет то, что говорил две тысячи лет назад, а говорит о проблемах и болезнях современного мира и на его языке. И что идет он не к праведникам, «хранящим» истину, а к страдающим и ищущим ее грешникам. Да об этом и в Евангелии уже все сказано, и у Достоевского с Соловьевым раскрыто, и святейший патриарх Кирилл это прекрасно понимает. Христианство – это не драгоценный клад в подвале, а жизнь здесь и сейчас по Христу. Но ведь так уже и живут многие представители различных духовных учений – и истинные буддисты, и правоверные мусульмане и суфийские дервиши, и индийские риши. Живут содержательно, хотя формально придерживаются других метафизических координат. Много таких и среди простых людей, не относящих себя к какой-либо конфессии. Нас различает скорее форма, а не содержание. А значит, на последнем и надо сконцентрироваться, чтобы прийти к согласию. Даже если каждый формально останется при своем, можно ведь признать общий моральный базис. А о проблемах метафизики можно поговорить отдельно, здесь тоже не все так безнадежно, как кажется на первый взгляд.

Иначе получается, что мы отвергаем мир в его пусть и проблемном, и многотрудном развитии. А где же тогда любовь? Тогда мы впадаем в ересь «трансцендентного эгоизма», полагая, что моя хата с краю и самая крепкая, выдержит любой ураган, а другие – пусть спасаются как могут. Раз они заблуждаются, не принимая мою систему координат, то туда им и дорога. Так именно и мыслят наши оппоненты из коммунистического и либерально-демократического лагеря, помогая несогласным с ними поскорее уйти в мир иной.

Но истина – это истина жизни, а не смерти, истина всех, а не избранных, истина современная, а не прошедшего дня.

Фил. Хорошо, мне все стало более или менее ясно. Дело, конечно же, в дефиниции. Очень важно в споре прийти к единому содержательному насыщению терминов. Только тогда можно конструктивно продвигаться вперед, для чего, собственно, и нужен настоящий спор, в котором, действительно, рождается истина, а не усиливаются противоречия. К сожалению, этого нельзя сказать о многочисленных ток-шоу, которыми нас усиленно потчуют. Не определившись с понятиями, в них оппоненты с энтузиазмом поливают друг друга эмоциями (и не только). Хотя, если вслушаться, спорят они о совершенно разных вещах.

Если под религиозным понимать магическое, тогда все становится на свои места. Однако я все же придерживаюсь более широкой семантики религиозного, возможно, порой и злоупотребляя этим. Для меня религия есть «когнитивный нерв» всякого общества, позволяющий последнему быть таковым, опосредующий почву общения, задающий социальные цели и ценности, определяющий авторитетные мнения и, конечно же, трансцендентно связывающий не только людей между собой, но, и, если можно так выразиться, имманентный и трансцендентный миры, вернее, опосредующий имманентный мир трансцендентным, хотя формально-логически такое и невозможно. Но, разумеется, я понимаю, что это только мнение, требующее определенного «введения в понятие».

Кстати говоря, и содержание понятия «магия» требует для спора соответствующей корректировки. Можно придавать этому слову и положительный, и отрицательный смыслы («белая» и «черная» магии), подразумевая под ее носителями неких «продвинутых» волшебников, делающий «чудеса», т.е. то, что выходит за рамки причинно-следственного постижения мира, а можно понимать магию и как непосредственное мистическое (таинственное для большинства, но весьма профессионально-понятное, что ли, для знающих) воздействие на реальность через скрытые для непосвященных силы. Здесь, конечно, нет речи о воздействии на трансцендентное, ведь это, уже по определению последнего, – нонсенс. Поэтому, по большому счету, такая магия не есть волшебство, а, скорее, то же самое, что и «техническое» знание, только выходящее за пределы опыта, доступного для большинства людей и, в общем-то, в ней нет ничего удивительного. Например, всякий цивилизованный человек, при наличии у него образовательного минимума и технического оснащения – шаман для каких-нибудь аборигенов с острова Тумба-Юмба. Но ход твоей мысли я, разумеется, понял и не могу теперь с ним не согласиться. Безусловно, вера не должна подменять ритуалистическим магизмом, хотя ритуал и имеет свое большое значение в жизни Церкви.

Далее – о глобализации. Я хочу лишь подчеркнуть, что современные глобализационные процессы в принципе не новы, они есть следствие искони присущей человечеству тенденции к универсализации, хотя, разумеется, обладают и некоторыми новыми качествами, обусловленными, прежде всего, технизацией, информатизацией и ростом коммуникации. Глобализация с этой точки зрения отнюдь не отменяет исторических фактов и факторов, а лишь модифицирует их. Однако ее очевидная слабость состоит в том, что она ограничивается изменением материальной составляющей мира человека, при этом духовная явно деградирует. Гораздо же более жизнеспособен, мне кажется, другой «глобализационный проект», разворачивающийся вот уже два тысячелетия и, кстати, опосредованно повлиявший на возникновение глобализации современной – христианский. Этот «проект» глубоко духовен, но препятствует его осуществлению, во-первых, греховность мира и, во-вторых, глубина идей и высота нравственного идеала христианства. Он – не для «общества потребления», не для «массового человека», его путь лежит через сознание каждой личности, интендирующей к совершенству и рано или поздно не могущей не прийти в «соприкосновение» с Богом. Перечисленные факторы, противодействующие процессам христианизации, можно дополнить и внешними влияниями инновационных сил, догматический консенсус с которыми невозможен, что не отменяет необходимости взаимодействия с ними, и перманентной схизмой в самом православном христианстве.

Ты спрашиваешь, как я с моим отношением к миссионерству мыслю обращение в Православие протестантов и католиков? Надо полагать, иные конфессии, нехристианские, вообще в этот список не входят. Мне думается, что религия – дело сугубо добровольное, и обращаться в нее насильем ли, назойливым убеждением ли, наверное, тоже грех. Отсюда – многочисленные «перегибы» миссионеров разных мастей, в особенности католических. Монополизировать Истину нельзя, поскольку она выше нас всех, даже соборно объединенных. Православное миссионерство не исключение, если считать его делом сугубо человеческим, оно обречено на поражение, грозящее даже полным забвением тех истин, которые в нем открывались на протяжении тысячелетий. Однако есть еще и действие Бога в мире, и оно, как отмечали исихасты, намного эффективнее, чем наши человеческие усилия по их восприятию. В конце концов, приводят к вере не люди, а Бог. Отсюда – и эффективность христианской Церкви, ведь это не только институт, но и Тело Господа, с любовью включающее в себя всех, свободно этого желающих. И именно в этом пункте – предназначение Православной Церкви, которая обязана не просто не замыкаться в себе, но и рассказывать как можно большей аудитории об известных ей смыслах и истинах. Не исключая некоторого возможного духовного обогащения самого Православия при взаимодействии с другими традициями, тем не менее, полагаю, это обогащение относится только к вопросам второстепенным, или поверхностным, никак не затрагивающим глубинной религиозной сути.

При этом я, конечно, соглашусь с тобой, что в религиозной жизни человечества необходим определенный синтез, который бы позволил людям общаться между собой на основаниях не просто «веротерпимости», а взаимопонимания. Я долго не мог понять, почему Церковь негативно относится к религиозной толерантности. Но ведь, действительно, как можно соглашаться с мнениями, идущими вразрез с твоим мировоззрением и даже отрицающими его? Вполне понятно, что уверенность в «своей» истине присутствует в каждой конфессии, и окончательное соглашение в них вряд ли получится. Однако требуется не снисходительное игнорирование ими друг друга, что часто понимается как толерантность, а диалог между ними относительно точек соприкосновения, который вполне возможен. Стезя эта трудная и долгая, и отнюдь не претендующая на окончательный успех. Но ведь никто и не говорил, что христиан в последние времена будет много.

Соф. Фил, похоже, нам надо до конца разобраться с «магией». Ведь даже многие наши религиозно-философские корифеи не были свободны от нее. Среди этих именитых персон – и П. Флоренский, и Н. Бердяев и многие другие, соседством с которыми можно, конечно, годиться, только вот к истине этим путем не приблизишься, а тем более – к спасению.

Думаю, что корни магического понимания духовного растут из почвы всеединства, крепко укорененной в нашем отечественном стиле философствования. А всеединство, как мы выяснили уже в первом нашем диалоге – система пантеизма. Отсюда вывод: магизм – это свойство пантеистического мировоззрения, мыслящего взаимосвязи во вселенной естественным путем, включая в эту «естественность» и все духовное. Отсюда потом вырастает и «материальное единство мира» в нашем советском диамате. Но диамат попытался заменить магизм наукой, а так как наука весьма ограничена в своих возможностях, то весь духовный мир подвергся кастрации. А в пантеизме магия это именно то, что в материализме «наука», но в широком смысле слова, без «кастрации». Пантеизм же, в свою очередь, является философской основой языческого мировоззрения (возьми для примера неоплатонизм, или классическую веданту).

Так вот, к христианству и другим мировым религиям, «осевой» духовности вообще это не имеет никакого отношения. Пантеизм впадает в магизм потому, что не знает трансценденции, данной в «осевом» Откровении.

Если есть трансценденция, отпадает необходимость в магии. Магия – это чудесная, измышленная всеобщая связь вещей и людей. Это по сути подмена возможных научных причинно-следственных связей иллюзорными. С точки зрения трансцендентной духовности, – а это есть вера – эти связи являются попросту суевериями.

Когда мы, благодаря открытию сферы трансцендентного и помещению туда Истины, приходим к Вере, то во всем этом отпадает необходимость: причинно-следственные связи так и остаются за наукой, а то, что нам неведомо – тоже сфера научного знания, но которое наука еще не освоила. Магия и претендует на эту сферу неведомого. Вера – не о известном и не о неведомом, и она не строит иллюзий по поводу этого неведомого. Вера – о трансцендентном, о непостижимом, с которым невозможно установить связь при помощи магии, так как это *трансцендентное*.

Таким образом, с точки зрения трансцендентного видения, магическое толкование неведомых и невидимых связей между вещами и людьми превращается в суеверные выдумки. Вера не подменяет магии, она ликвидирует ее, как философский логос в свое время уничтожил натуралистический миф. И поэтому не важно, какого цвета мыслится магия, – все равно такое мышление магично, находится в рамках магического понимания мира. Белая, черная, серая или серо-буро-малиновая магия – все одно суеверие, противное вере. Честно тебе скажу, что «правовверный» диаматчик для меня более приемлемая фигура, чем магический толкователь, а тем более христианства. От материалистического атеизма, указывал уже Достоевский, легче прийти к вере, чем от суеверий и «тепленькой» веры, недо-веры.

Так что выбирай, с Богом ли ты, или с магией, ибо одно другое отрицает. Бог действует через Дух Святой, Божественные энергии, т.е. через все то, что трансцендентно и непостижимо, но абсолютно. Магия действует через перенесение наших чувственно-рассудочных представлений на сферу неведомого. И Богу здесь нет места, по крайней мере – христианскому, так как здесь все с успехом можно делать при помощи магических операций, при помощи магического обряда и т.д. Нет здесь и моральной ответственности, ибо сфера духовного детерминирована этим обрядоверием, и свобода здесь уничтожается, а если нет свободы, то какая ответственность и, соответственно, мораль? При магии вера излишня. Во что верить, если все можно сделать? При Боге – магия излишня, ибо отношения с Ним строятся на основе Веры, Надежды и Любви, а не каких-то натуралистических обрядоверческих операций. Магия – космологична, поэтому и расцвела в античности, вера – трансцендентна, чиста и проста, и потому так «трудна» для понимания. И ты верно говоришь, что магия – это «техническое» знание, только выходящее за пределы эмпирического опыта. Но тогда это тоже к духовному и к вере не имеет отношения. Только вот и не нейтральна она, эта магия, ибо является следствием определенного мировоззрения, в котором, как мы выяснили, нет места ни свободе, ни морали.

Что касается твоих мыслей о глобализации и христианстве. Я со многим согласен, и, более того, хотел бы, чтобы все было «по-христиански» – это так замечательно. Но посмотри, что получается: глобализация сама по себе – православие само по себе; инославные конфессии сами по себе – православие само по себе; китайцы с индусами сами по себе – а мы сами по себе. И так можно было жить раньше. Но в том-то и проблема состоит, что мир уже другой, уже не получится «сам по себе и со своей истиной в своем углу». Если ты с истиной, то почему в углу? Или у тебя истина угла? Но тогда и не надо претендовать на все помещение и говорить о кафоличности твоей истины.

И мне кажется, что этот мир, может быть, не менее христианский, чем само христианство. В каком смысле? В том, что он сталкивает нас с проблемой, он бросает нам вызов. Он не дает нам заснуть в своей истине, чтобы мы не превратили ее в подушку, свою, родную, и очень мягкую подушку, – более мягкую, чем у других, чем и очень горды. И это вызов самой жизни, Самого Бога, если хочешь. И в этом, столь проблемном, противоречивом и, порою страшном, катастрофичном мире есть Бог. Он однажды пришел в этот мир, и Он пришел для этого мира, а не для того чтобы отвернуться от него и анафемствовать его, чем мы сегодня пытаемся заниматься, мысля себя «белыми и пушистыми».

Бог может быть только в мире. Христос же не в монастырь приходил проповедовать. А апостол Павел почему искал свою смерть в Римской Империи? Оставался бы при своих однокровниках, может, и примирился бы. И возникло бы тогда еще одно направление в иудаизме, наряду с фарисеями, саддукеями и ессеями. Вот тебе и ответ по поводу миссионерства. Да, Истина по своей сущности миссионерка, – она не может не светить всем, как и ее носитель. Да, Бог все и без нас может сделать в истории, но тогда зачем мы? Чтобы ждать, когда Он все сделает и всех приведет к истине? Но это уже не христианство, не вера свободы.

Христианство должно очиститься от магизма и «религиозности», оно должно отказаться даже от самого «христианства», взять свой крест и идти в мир, чтобы его спасти. И только спасая мир, оно сможет спасти себя. Иначе оно уже на кладбище. Ибо что оно скажет Христу? Что пыталось завоевать мир, и не получилось (католичество), и теперь хранит Его истину в монастырях (православие)? Но ведь ответ уже дан в Евангелии: ценности должны служить человеку, иначе они превратятся в прах или мыши съедят их в сундуке. Как христианство может «конвертировать» свои ценности для всех культурных систем мира – вот основной вопрос...

Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Московская Патриархия, 1992. Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Moskovskaya Patriarkhiya. Moskva/ 1992.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. Aristotel'. (1975). Metafizika. In: Aristotel'. (1975). Sochineniya: V 4-kh t. T. 1. Mysl'. Moskva.
3. Бердяев Н. Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. Berdyayev N. (2005). Russkaya ideya. Eksmo. Moskva; Midgard. Sankt-Peterburg.
4. Бонхеффер Д. Жить вместе. М.: Рашн Ресорсес Пресс, 2003. Bonkheffer D. (2003). Zhit' vmeste. Rashn Resorses Press. Moskva.
5. Бонхеффер Д. Сопrotивление и покорность (письма и заметки из тюремной камеры) // Вопросы философии

- фии. 1989. № 11. С. 134, 139.
Bonkheffer D. (1989). Soprotivlenie i pokornost' (pis'ma i zametki iz tyuremnoii kamery). Voprosy filosofii. N 11. Pp. 134, 139.
6. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
Bulgakov S.N. (1994). Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya. Respublika. Moskva.
 7. Введенский А.И. Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом // Введенский А.И. Статьи по философии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
Vvedenskii A.I. (2001). Sud'ba very v Boga v bor/be s ateizmom. In: Vvedenskii A.I. (2001). Stat'i po filosofii. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvo Sankt-Peterburg.
 8. Гайдено П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
Gaidenko P.P. (2001). Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka. Progress-Traditsiya. Moskva.
 9. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997.
Gegel' G.V.F. (1997). Nauka logiki. Nauka. Sankt-Peterburg.
 10. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1977.
Gegel' G.V.F. (1977). Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Mysl'. Moskva.
 11. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч. В 7-ми т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1986.
Gogol' N.V. (1986). Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami. In: Gogol' N.V. (1986). Sobr. soch. V 7-mi t. T. 6. Khudozh. lit. Moskva.
 12. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. 14. Л.: Наука, 1976.
Dostoevskii F.M. (1976). Brat'ya Karamazovy. In: Dostoevskii F.M. (1976). Poln. sobr. soch. v 30-ti tomakh. T. 14. Nauka. Leningrad.
 13. Зеньковский В.В. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русский путь, 2008.
Zen'kovskii V.V. (2008). Sbranie sochinenii. T. 2. Russkii put'. Moskva.
 14. Зиновьев А. Западнизм // Феномен Зиновьева. Составители: А.А. Гуссейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. М.: Изд-во «Современные тетради», 2002.
Zinov'ev A. (2002). Zapadnizm. In: Fenomen Zinov'eva. Sostaviteli: A.A. Gusseinov, O.M. Zinov'eva, K.M. Kantor. Izd-vo «Sovremennye tetradi». Moskva. 2002.
 15. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Сочинения. В 6 тт. Т. 1. М., 1963.
Kant I. (1963). Vseobshchaya estestvennaya istoriya i teoriya neba. In: Kant I. (1963). Sochineniya. V 6 tt. T. 1. Moskva.
 16. Лаврухин А. Практическая философия Э. Гуссерля: проект обновления культурного человечества Европы // Ежегодник по феноменологической философии 2009/2010. М.: РГГУ, 2010.
Lavrukhin A. (2010). Prakticheskaya filosofiya E. Gusserlya: proekt obnovleniya kul'turnogo chelovechestva Evropy. Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii 2009/2010. RGGU. Moskva.
 17. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т. 18. М., 1969.
Lenin V.I. (1969). Materializm i empiriokrititsizm. In: Lenin V.I. (1969) PSS. 5 izd. T. 18. Moskva.
 18. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс-Традиция, 2008.
Mamardashvili M.K. (2008). Opyt fizicheskoi metafiziki (Vil'nyusskie lektcii po sotsial'noi filosofii). Progress-Traditsiya. Moskva.
 19. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. М., 1988.
Marks K. (1988). Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1. Kn. 1. Moskva.
 20. Розанов В.В. Сочинения: В 2 т. / Сост. Е.В. Барабанов. М.: Правда, 1990.
Rozanov V.V. (1990). Sochineniya: V 2 t. Sost. E.V. Barabanov. Pravda, Moskva.
 21. Серафим Саровский. О цели христианской жизни // Жития и творения русских святых: Жизнеописания и духовные наставления великих подвижников христианского благочестия, просиявших в земле Русской. М.: Современник, 1993.
Serafim Sarovskii. (1993). O tseli khristianskoi zhizni. In: Zhitiya i tvoreniya russkikh svyatykh: Zhizneopisaniya i dukhovnye nastavleniya velikikh podvizhnikov khristianskogo blagochestiya, prosiyavshikh v zemle Russkoi. Sovremennik. Moskva. 1993.
 22. Симеон Новый Богослов. Творения: В 3-х тт. Т. 3. Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
Simeon Novyi Bogoslov. (1993). Tvoreniya: V 3-kh tt. T. 3. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra.. Zagorsk
 23. Стиглиц Д.Ю. Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право, 2005.
Stiglits D.Yu. (2005). Revushchie devyanostye. Semena razvala. Sovremennaya ekonomika i pravo. Moskva.
 24. Федотов Г.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 9.: Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004.
Fedotov G.P. (2004). Sbranie sochinenii: V 12 t. T. 9.: Stat'i amerikanskogo perioda. Martis. Moskva.
 25. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
Fromm E. (1990). Imet' ili byt'? Progress. Moskva.
 26. Хайдеггер М. Знаки // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
Khaidegger M. (1993). Znaki. In: Khaidegger M. (1993). Raboty i razmyshleniya raznykh let. Moskva.
 27. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
Khaidegger M. (2001). Osnovnye problemy fenomenologii. Sankt-Peterburg.
 28. Шмеман А., Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2007.
Shmeman A. (2007). Dnevniki. 1973–1983. Russkii put'. Moskva.
 29. Husserl E. Briefwechsel. Husserliana Documente III. Hrsg. von K Schuhmann. Dordrecht; Boston;L., 1994. Bd. III.
 30. Mircea Eliade. The Sacred and the Profane (The nature of religion). New York, 1961.